
Моё Хагакурэ
18+

Артём Нурэхигэ

Моё Хагакурэ

https://litres.ru/75009329
SelfPub; 2026

Аннотация

Моё Хагакурэ – это записки провалившегося самурая, записки ронина, которому некому и нечему служить. Личный свод правил мужчины для выживания в мире после смыслов.

Содержание

0. Послание Аресибо 4
1. Смерть всего 7
2. Свет и тьма 9
3. Кошмары на гарнир 11
4. Способ казни 14
5. Дольче энд Габана 16
6. Лето ярости 19
Конец ознакомительного фрагмента. 21

Моё Хагакурэ

0. Послание Аресибо

Я не писатель, и никогда им не был. Свои тексты я начал писать не для публикации, не для саморазвития, просто потому, что мне этого захотелось. Они писались легко, в один приём, разве что правка орфографии могла занять пару недель («тройка» по русскому всё ещё даёт о себе знать).

Примерно на пятом или шестом тексте лёгкость сменилась напряжением. На границе восприятия ощущалось что-то важное – цель, к которой я двигался, сам того не осознавая. Долгое время, больше месяца, я брёл наугад, хаотически меняя направление, как заблудившийся в тумане. Я писал короткие эссе о себе, о своей жизни, рассуждал о происходящем со мной. Это не автобиография, не трактат. Но я чувствовал: в этом тумане есть тропа.

Чтобы найти её, пришлось сменить способ восприятия. Я перестал всматриваться в туман – закрыл глаза и приложил ухо к земле. Попытался услышать свои тексты не по отдельности, а как завершённую книгу, какой они могли бы стать в будущем. И тогда я услышал её – странную книгу с короткими заметками о жизни, рассуждениями, местами абсурдными и нелепыми. Я узнал эту книгу.

Она вошла в мою жизнь вместе с фильмом Джармуша

«Пёс-призрак: путь самурая». События фильма стали для меня красивой, но абстрактной картиной, и мне захотелось в них разобраться. Все ответы нашлись в книге, которую читал главный герой, – «Хагакурэ», «Сокрытое в листве», наставления Ямамото Цунэтомо, самурая, жившего на рубеже XVII и XVIII веков. Что общего могло быть у средневекового самурая и у меня – гуманитария рубежа XX и XXI века, откосившего от армии? Почему после прочтения этой книги моя жизнь изменилась?

До Хагакурэ я был расколот надвое – разумное, этичное «я» и внутренне «чудовище», которому ещё в детстве я отдал все мои страхи и страсти. Книга сказала мне: «Это тоже ты». Я перестал отводить глаза, когда чудовище поднимало голову. «Я не знаю, как побеждать других, – говорит Хагакурэ, – но я понял, как побеждать себя». С тех пор я часто обращался к этой книге в трудные моменты. Иногда я перечитывал Хагакурэ просто, чтобы услышать его голос. А теперь я понял, что ещё и пишу его.

Этот момент изменил всё. Я закрыл ноут осторожно, как хрупкую шкатулку с драгоценным содержимым. Потом я просто смотрел на него с недоверием и надеждой. А затем почувствовал, как меня покинул страх, о существовании которого я даже не догадывался, пока он не исчез. Во всём, что происходило со мной, был смысл – пускай значимый только для меня, но он был.

Моё Хагакурэ – это записки провалившегося самурая, за-

писки ронина, которому некому и нечему служить. Личный свод правил мужчины для выживания в мире после смыслов. Ямамото Цунэтомо писал своё Хагакурэ для потомков – у меня потомков нет, и не будет. Оно как послание Аресибо, которое человечество отправило в космос без надежды на ответ. Но не отправить его мы не могли.

1. Смерть всего

Две трети года прямо за дверями дома меня ожидает смерть. Не только меня. Любого, кто выйдет за порог. Жить здесь всё равно, что жить на дне океана. Если выйти без надлежащей подготовки – умрёшь. Пускай не сразу, не мгновенно, но неотвратимо.

Поздняя осень, ранняя весна и тем более зима – это смерть, которая заполняет всё пространство за окнами и дверями многокилометровой прозрачной толщей. Мне есть, чем защитить себя от неё, но от этого она не становится менее реальной или близкой. Она рядом. Я вижу её в окне и чувствую за дверью. Это успокаивает. То, что она повсюду, успокаивает.

Когда-то я внимательно, хотя и бестолково наблюдал за тем, что думают физики о будущем вселенной. Вслед за Ганнибалом Лектором я возлагал большие надежды на модель пульсирующей вселенной. Мне казалось, что, если вселенная будет сжиматься и разжиматься, то никто и никогда не умрёт по-настоящему. Я буду повторяться раз за разом вместе со всем мирозданием, в котором у меня есть своё место и назначение.

Поэтому, перспектива дискредитации этой пульсирующей модели пугала меня. Было ощущение, что кто-то решает сейчас, жить мне, или умереть. Или, по крайней мере, сооб-

щать ли мне о неминуемой смерти. О смертельном диагнозе.

Но затем что-то изменилось. Идея тепловой смерти вселенной перестала меня пугать. Всё умирает. Всё превращается в ничто. Всему приходит конец, людям, планетам, звездам, галактикам. Ничто не может этому помешать. Никто не может это предотвратить. И осознание того, что просто выйти на улицу без теплой одежды, означает погрузиться в осязаемую смерть, приближает меня к единению с миром, со вселенной, которая тоже живёт в окружении собственной смерти. Она теряет тепло, как и я. Вместе со мной.

И это единственное, что мне кажется по-настоящему важным сейчас.

2. Свет и тьма

Счастье — одно из самых сложных для определения понятий. У Стругацких был забавный персонаж, который коллекционировал такие определения, чтобы найти идеальное. Но, несмотря на сотни экземпляров, она была далека от завершённости. У меня тоже нет идеальной формулы счастья, но я точно знаю, что это такое — у меня есть для этого своя система координат.

Первую точку отсчёта мне подарила мама. Это был ослепительный день на воде, наполненный плеском, смехом, музыкой и криками. Солнце сияло так ярко, а вода блестела так сильно, что казалось — весь мир состоит из слепящего света и радостного шума. Мама тогда сказала мне: «Запомни этот момент. Это — счастье». Я, невероятно серьёзный аспергический ребёнок, отнёсся к этому с полной ответственностью. Я не просто запомнил — я провёл полную инвентаризацию ощущений, чтобы навсегда сохранить этот образец. Он стал чистым эталоном, данным извне, ясным и прямым, как солнечный свет.

Спустя более двадцати лет я нашёл другой эталон. Ничего особенного в тот момент не происходило. Был поздний вечер, почти ночь. Мы лежали на песчаной поляне в лесу под вышками ЛЭП и смотрели в тёмное небо в абсолютной тишине. Мы — это я, мой близкий друг, к которому я был

невероятно привязан, и наша общая подруга. В прошлом (а может, и не в прошлом) у них были чувства, а в тот момент именно нас с ней невероятно тянуло друг к другу. Мы просто отдыхали, молча разглядывая тёмное небо, едва касаясь друг друга, и остро чувствуя близкое присутствие каждого из нас. В этот миг я понял, что совершенно, абсолютно счастлив. Я полностью погрузился в это переживание и сделал его своим новым эталоном.

Эти два переживания — не просто два эталона в ряду других. Для меня это два фундаментальных полюса бытия. Первый — счастье как свет и звук, пришедшие извне, счастье простое и ясное. Второй — счастье как состояние, идущее изнутри, счастье тьмы, тишины и сложности. Они совершенно разные, но дополняют друг друга, как инь и ян, охватывая противоположные, но равно необходимые грани целого, которое я называю счастьем.

3. Кошмары на гарнир

Сколько я себя помню, мне снятся кошмары. Из-за них лет в пять я даже оказался на приёме у психиатра. Это не грустные тревожные сны, это полноценные кошмары с сюжетом, где чудовища появлялись в реалистичном окружении моей комнаты или других хорошо знакомых мест.

Главная фишка этих снов – эффект матрёшки. В ключевой момент противостояния монстру я просыпаюсь в своей кровати, и тянусь к выключателю, чтобы зажечь свет. Я щёлкаю клавишей, но свет не зажигается, а чудовище снова оказывается рядом. Я в ужасе просыпаюсь, облегчённо тянусь к выключателю и... свет не загорается, а из тёмного проёма двери появляется чудовище. И так может повторяться много раз, пока я не проснусь по-настоящему. В этот момент свет, наконец, включается, и я понимаю, что кошмар закончился.

Чтобы сделать пробуждение менее стрессовым, я всегда закрывал дверь в спальне, даже в душные летние ночи. Открыв глаза, я видел закрытую дверь, и понимал, что чудовищу неоткуда появиться. Это позволяло мне быстрее понять, что кошмар закончился. В последнее время я использую другой способ. Поскольку мой пёс очень не любит закрытых дверей, я просто не выключаю свет в спальне – просыпаясь, я вижу горящую лампу, и понимаю, что это уже не кошмар. Эффект тот же, а пёс доволен. Правда, иногда думаю, а что

будет, если ночью лампочка перегорит, и я проснусь в темноте, щёлкая выключателем впустую?

Но этот разговор о кошмарах – только гарнир. Мясо, это период в несколько лет, когда я не видел кошмаров. Двери были открыты, свет был выключен, и я не вспоминал о своих ночных ритуалах. Кто догадается, в чём тут дело, наверное, сам прошёл через нечто подобное. Это был период депрессии.

В эти годы пропали не только кошмары. Исчез всякий и любой страх. Исчез страх высоты – а я всегда её боялся. Из моего панорамного окна на двадцатом этаже отличный вид, но я стараюсь не подходить к нему близко, а в то время мог спокойно высунуться из окна по пояс. Даже представить не могу себя делающим такое сейчас, но тогда это было нормально. Депрессия забирает не только страх, она забирает радость, удовольствие, силу, энергию. Но почему-то именно это странное бесстрашие запомнилось мне особенно сильно.

Из-за того, что кошмары были частью почти всей моей сознательной жизни, я выровнял давление страха между ночным и дневным мирами, населив свою обыденную реальность монстрами. Депрессия вырвала меня из этого знакомого мне мира, и я словно повис в пустоте без привычных ориентиров, как космонавт в открытом космосе. И даже когда в мою жизнь стала осторожно возвращаться радость, я всё ещё не чувствовал, что здоров. Я начал получать удовольствие от жизни, но не ощущал, что живу. Я словно бы

смотрел фильм о себе, смеялся в нужных местах, но без настоящей сопричастности моменту. И только когда однажды ночью я проснулся, задыхаясь, весь мокрый от ужаса, и потянулся к выключателю – я понял, что я снова живу.

Мои монстры вернулись, чтобы смог вернуться я. Страх мы чувствуем, когда можем потерять что-то ценное. Страх смерти, страх боли – наша стержневая, древняя основа, на которую нанизаны все миллиарды лет нашей эволюции. Убери страх, и вся эта пирамида развалится. Мои кошмары, это не болезнь. Это — иммунитет. Единственное, что всегда сражалось за меня в той пустоте, где не было даже меня.

4. Способ казни

У меня был друг, сейчас он уже умер. Очень самобытный человек, с которым мы дружили с начальной школы. Отношения у нас были сложные, но прочные. Мы часто ссорились, даже дрались, но доверяли друг другу безгранично. Вот сейчас мне пришло в голову, что такой широкий диапазон эмоций больше характерен для братьев, чем для друзей.

Он всегда был воплощением того, что называется токсичной маскулинностью, у него даже присказка была: «Скорей бы импотенция, хоть бы почитал». Одним из важнейших его жизненных принципов была убеждённость, что мужчина не должен пережить собственную мужественность. Это не мешало ему жить в своё удовольствие, есть, пить, трахаться и – рано обрюзгнуть. Тогда, честно следуя своим принципам, он умер в сорок с небольшим. Остановка сердца у себя на кухне под коньячок и сырокопчёную колбаску не многим хуже, чем легендарная смерть Атиллы. Покойся с миром, дружище, брат, ты умер мужиком.

В целом, я согласен с ним в том, что касается мужественности и смерти, но я следую этому принципу другим способом. Мне всегда хотелось быть тем чуваком из анекдота, который и юрист, и боксёр, и с которым спорить вообще бесполезно. Именно это желание привело меня и на юрфак, и в бокс. Моим критерием мужественности стала способность

меня сегодняшнего одолеть себя вчерашнего и в спарринге, и в споре. И вот мне скоро пятьдесят, и пока "я вчерашний" продолжает огребать.

Но, как рациональный человек, я признаю – скоро этому придёт конец. Перестав доверять себе, я начал заниматься джиу-джитсу. Теперь мой физический прогресс будет засвидетельствован внешним арбитром – если я получу чёрный пояс лет в шестьдесят, значит, я ещё двигаюсь вперёд и вверх. С разумом немного проще, ведь есть мнение, что мудрость приходит с возрастом. Достаточно просто работать, читать хорошую литературу, рефлексировать и общаться с умными людьми.

Но, возвращаясь к судьбе моего друга – и он, живший в своё удовольствие без оглядки на последствия, и я, одержимый саморазвитием, мало чем отличаемся друг от друга. Точнее, разница между нами может быть измерена примерно десятью – двадцатью годами жизни. Но если подумать, имеют ли значения эти десять, или даже двадцать лет? Безусловно, нет, если взглянуть на всё с учётом вечного небытия, которое ждёт нас обоих.

Приговор мы вынесли себе сами: мужчина не должен пережить свою мужественность. Просто каждый из нас выбрал свой способ казни.

5. Дольче энд Габана

Броманс — штука посложнее романа. Кто плавал, тот знает.

В 93-м мы с однокурсником поехали в Екатеринбург за шмотками. Два инопланетянина, два Зигги Стардаста, упавших с неба на юрфак, где все ходят в одинаковых пиджаках и мечтают стать прокурорами. Мы и наши мечты были совершенно другими.

Мой приятель был худощав, крепок и помешан на собственном прессе (тогда это ещё не было трендом). Но главным его козырем была чёлка. Длинная, косая, падающая на пол-лица. Когда он смотрел из-под неё, он словно вопросительно выглядывал из-за театральной портьеры: «Ты готов увидеть представление?»

Екатеринбург с его бутиками тогда казался нам другой планетой. Мы сели в поезд, взяв с собой только наличку, и мечты. Моя мечта была простой: я хотел купить хорошую зимнюю дублёнку. Его мечты были куда более странными и яркими, и они увлекли меня в место, где я никак не ожидал оказаться.

День мы провели, шатаясь по бутикам. Он мерил всё подряд — рубашки, брюки, ремни, даже платки какие-то. Я просто рядом стоял и восхищённо закатывал глаза, как Ричард Гир в «Красотке», — дублёнок в этих модных магазинах

просто не было. Продавцы, наверное, думали, что мы пара, а мы просто не замечали никого вокруг и тащились, сами не понимая от чего.

К ночи нас выперли на холодную тёмную улицу. Мы стояли на обледенелом тротуаре, под помаргивающим фонарём, обвешанные пакетами с модными логотипами, и это моргание над нашими головами было, как обратный отсчёт до начала ограбления.

Мы нашли ночлег на почасовой хате (из гостиницы напротив вокзала нас выставили из-за отсутствия документов). Квартирка была усталая и облезлая, с жёлтым болезненным светом, но каким-то образом эта атмосфера упадка окрасила всё, что произошло дальше, в изысканный декаданс. Я развалился в единственном кресле и смотрел, как мой друг устраивает показ мод. Он переодевался, появляясь в проёме двери в очередных штанах, рубашках и их комбинациях, опускал чёлку на лицо и смотрел на меня сквозь неё, спрашивая глазами. Я восхищённо кивал. Это всё, что мне оставалось — мне самому нечего было показывать.

Точнее, всё, что я мог показать, было на мне. Вместо дублёнки, которая должна была греть меня несколько следующих зим, я купил немыслимо дорогой чёрно-белый галстук, созданный двумя итальянскими геями — Дольче и Габбаной. В нашей заснеженной, зассанной и оккупированной гопотой Тюмени начала девяностых это реально была вещь, достойная таких инопланетян, как мы.

Да, я потратил все свои деньги на галстук, который не греет, не защищает, не имеет ни малейшего практического смысла в этом мире. Галстук, к которому у меня не было ни рубашки, ни пиджака, ни повода. Но он был нужен мне позарез. Абсолютно безумная вещь, рождённая в мире прекрасного, куда нас каким-то чудом занесло на один вечер. Вещь настолько же редкая и настолько прекрасная, как любой броманс на этой планете.

Через пару лет он перевёлся учиться в Москву, и больше мы не виделись. Тот галстук я так и не надел ни разу. Сначала было не с чем – у меня не было денег на достойную оправу. А потом – не для кого.

6. Лето ярости

Я не люблю лето. И когда рассказываю, почему, каждый собеседник смеётся. Даже моя психотерапевтка смеялась. Если бы я сказал, что боюсь высоты, она бы не засмеялась. Если бы сказал, что не переношу темноту, она бы кивала. Но когда я сказал, что не переношу лета из-за обилия полуобнажённых женских тел — она засмеялась. Это первая реакция у всех. Я научился ждать, пока они отсмеются, прежде чем продолжать.

Лето для меня — поле боя, территория ярости. Это не ярость инцела — у меня нет проблем с женским вниманием. Я никогда не любил стриптиз, не понимаю этого развлечения. Мне бывает сложно смотреть фильмы с сексуальным контентом. И это мало зависит от того, сколько у меня секса. В моей жизни бывали ситуации, когда девушки, с которыми у меня до этого ничего не было, раздевались догола. Однажды, на первые майские, девушка, с которой мы гуляли в лесу, остановилась у пруда и сказала, что хочет искупаться. И разделась полностью — купальника с собой не было, да какой там купальник, в лесу ещё снег лежал. Я смотрел, как постепенно появляется из-под одежды её обнажённое тело. Она пошатывалась, поднимая то одну, то другую ногу, чтобы снять джинсы и обувь; воспитание толкнуло меня вперёд, чтобы подать руку, но что-то внутри схватило меня за шкир-

ку и дёрнуло назад — если я прикоснусь к ней, моё воспитание развалится на куски. Я сделал вид, что ничего особенного не происходит, хотя реальность сузилась до её спины и ягодиц, постепенно исчезающих в чёрной воде.

Женское тело, явленное открыто, становится чистым катализатором желания. Это как поворот рубильника, запускающий мой внутренний реактор на полную, до расплавления охлаждающих стержней. Но этот рубильник запускает чужая рука. Не по моей воле, лишая меня контроля над собственным телом и — что ещё страшнее — над разумом. Да, я могу оставаться джентльменом. Другой вопрос — чего мне стоит это внешнее спокойствие. Всё лето я провожу на посту: без смены, без сна. Стоит на секунду расслабиться — и реактор пойдёт вразнос.

Вернёмся к смеху. Мои собеседники смеются потому, что для них моё «откровение» — вовсе не откровение. Для них это «типичный я». Они уверены в моём самоконтроле. Они видят джентльмена с забавным загоном. А моя психотерапевтка считает, что от тюрьмы меня спасает только интеллект. Выходит, я просто достаточно умный, чтобы контролировать реактор ярости, не имея возможности его выключить.

Они смеются, потому что видят во мне просто ворчуна-джентльмена. Пожалуй, это комплимент. Но мне не смешно. Я просто жду, когда они отсмеются. Так же, как жду сентября.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.